

АНТИКЛОССИЦИЗМ*

Вторая часть первого тома «Избранных трудов» посвящена истории становления и развития литературной школы в Троицком монастыре. Она открывается полемикой с В. О. Ключевским. Последний свою знаменитую речь в 1892 г. в Московской духовной академии по случаю 500-летней годовщины со дня смерти Сергия Радонежского начал словами: «Когда вместе с разнообразной набожно крестящейся народной волной вступаешь в ворота Сергиевой лавры, иногда думаешь, почему в этой обители нет и не было особого наблюдателя, подобного древнерусскому летописцу, который спокойным неизменным взглядом наблюдал и бесстрашной рукой записывал, “еже содѣяся въ Русской землѣ”, и делал это одинаково из года в год, из века в век, как будто это был один и тот же человек, не умиравший целые столетия»¹. У Б. М. Клосса эти мысли тонкого знатока русского прошлого вызывают полное неприятие. «Теперь мы догадываемся, — делится своими соображениями, опираясь на собственные “Избранные труды”, Б. М. Клосс, — что маститый историк был неправ: в свете современных разысканий может быть выявлен образ “бессменного и не умирающего” летописца Троицкого монастыря в виде существовавшей в течение многих поколений литературной традиции...»² Однако ведущееся из года в год на протяжении столетий летописание, о чем говорил В. О. Ключевский, и литературная традиция — вещи разные. Агиография, записи на рукописях, литургические произведения не могут заменить летописных сводов. Упрек В. О. Ключевскому оказывается совершенно надуманным. Но ведь так хочется историку-неофиту убедить себя и других, что он все делает не только лучше своих современников, но и лучше своих предшественников, особенно авторитетных и знаменитых. После покровительственного несогласия в работе Б. М. Клосса следуют сами «современные разыскания» существовавшей в Троице-Сергиевом монастыре литературной традиции.

Традиция начинается с Епифания Премудрого. Хотя биография этого средневекового писателя являлась предметом рассмотрения многих исследователей, Б. М. Клосс такие работы не упоминает, заключающиеся в них выводы игнорирует и созидает свое, особое жизнеописание автора агиографических сочинений о Стефане Пермском и Сергии Радонежском. По утверждению Б. М. Клосса, Епифаний Премудрый уже в 1380 г. был монахом Троице-Сергиева монастыря. Именно он в августе — ноябре 1380 г. переписал Троицкий стихирарь. В нем он назвал своего соименника — св. Епифания Кипрского. Это указание послужило толчком к следующему рассуждению Б. М. Клосса: «Поскольку святым патроном Епифания является Епифаний Кипрский, память которого празднуется 12 мая, то наш Епифаний постригся именно в этот день. На протяжении 70-х годов XIV века 12 мая ни разу не являлось воскресным днем, но субботным — в 1375 г. Следовательно, с известным основанием можно считать, что Епифаний постригся в Троице-Сергиевом монастыре именно 12 мая 1375 г. (возможно, после одного года послушничества)»³. В приведенном высказывании Б. М. Клосса, как в капле воды, отражены методы его работы над историческими свидетельствами. Прежде всего он исходит из где-то вычитанного утверждения, будто постриги монахов имели место исключительно в воскресные дни. В данном случае он мог бы убедиться в том, что подобная мысль является ложной, поскольку в 70-е гг. XIV в. (а Б. М. Клосс считает, что Епифаний мог появиться в Троице-Сергиевом монастыре не ранее 1374 г.) 12 мая ни разу не приходилось на воскресенье, следовательно, в монахи постригали не только в воскресные дни. Поэтому вопрос о времени пострижения Епифания — писца стихираря следовало решать, исходя из других данных, или же

* Начало статьи см.: Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 113–123; № 3 (9). С. 121–129; № 4 (10). С. 98–113; 2003. № 1 (11). С. 112–118; № 2 (12). С. 127–133.

¹Ключевский В. О. Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства // Русский архив. Вып. I. М., 1990. С. 75.

²Клосс Б. М. Избранные труды. Том I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 91.

³Там же. С. 96



оставить открытым. Но Б. М. Клосс находит иной выход из положения. Он не отвергает в принципе свою ошибочную отправную мысль, а просто заменяет воскресенье на субботу и получает искомую дату — «именно 12 мая 1375 г.» Почему воскресный день должен заменяться именно на субботний, а не на какой-то другой день недели, Б. М. Клосс не объясняет. Полная произвольность «современных разысканий» совершенно очевидна. Но есть в приведенной цитате из «Избранных трудов» вещи и не столь очевидные, требующие предварительных рассмотрений и пояснений.

Так, Б. М. Клосс, отождествляя Елифания, переписчика стихирая 1380 г., и писателя Елифания Премудрого, объявляет, что оба они носили имя в честь Елифания Кипрского. Если в отношении писца 1380 г. данное заключение верно, запись на нижнем поле л. 98 стихирая прямо говорит об этом, что было отмечено еще Е. Е. Голубинским⁴, то относительно небесного соименника Елифания Премудрого сведений нет. Б. М. Клосс восполняет недостающую информацию следующим образом. Он обращает внимание на прозвище писателя — Премудрый и сопоставляет его с определением, прилагавшимся в одной из древнерусских летописных статей начала XII в. к Елифанию Кипрскому: «яко же пишеть премудрый Елифаний»⁵. Это определение Б. М. Клосс объявляет «наименованием» Елифания Кипрского. А раз два человека носят одинаковые «наименования», то одно из них, по разумению Б. М. Клосса, должно быть обязательно заимствовано от другого, и небесным покровителем Елифания Премудрого можно признать Елифания Кипрского, что, в свою очередь, позволяет отождествить переписчика стихирая 1380 г. с писателем Елифанием Премудрым. Но рассуждение Б. М. Клосса псевдологично. Елифаний Кипрский не имел прозвища Премудрого. В статье 1110 года Ипатьевской летописи, на которую ссылается Б. М. Клосс, слово премудрый употреблено не как прозвище, не как «наименование», а как эпитет. Б. М. Клосс не говорит, что далее в той же летописи, но в статье 1111 года приведена еще одна ссылка на Елифания Кипрского того же летописного редактора: «также и великий Елифаний вѣща...»⁶. Если следовать логике Б. М. Клосса, то надо будет признать, что поскольку Елифаний-писец стихирая 1380 г. не имел «наименования» «великий», как Елифаний Кипрский, то троицкий монах был крещен не в честь Елифания Кипрского, а в честь Елифания, одного из мучеников мелитинских. Но это будет очевидным и неверным домыслом, прямо противоречащим свидетельству записи на л. 98 рукописи 1380 г. Выясняется, таким образом, что Б. М. Клосс в основу своих рассуждений кладет явно непоказательные и шаткие свидетельства, делая из них удобные для себя выводы. Никакой научности в подобных приемах нет.

Прокламируемый Б. М. Клоссом «непреложный факт» пребывания Елифания Премудрого в 1380 г. в Троице-Сергиевом монастыре и переписывания им стихирая на проверку оказывается более, чем сомнительным. Пахомий Логофет в своей обработке Жития Сергия Радонежского прямо говорит о следующем: «Сиа же азъ, смиреннии таха иеромонах Пахомие, пришедшу ми во обитель святого и видя чудеса, часто бываемая от раки богоноснаго отца, паче же увѣдѣвъ от самого ученика блаженаго, иже многа лѣта, паче же от самого възраста юности живша съ святымъ, глаголю же Елифания, иже бѣше и духовникъ велицѣи лаврѣ всему братству, вѣдѣи блаженаго извѣстно, иже и по ряду сказаше о рожении его и о возрасту и о чудотворении, о житии же и о прѣставлении. Свидѣтельствующимъ же и инымъ многимъ братиям, паче же самѣмъ чудесѣмъ, бывающимъ от раки святаго. Азъ же сия слышавъ, иное же и своима очима видѣвъ бывающаа чудеса, зѣло оудивихся, помощи убо божия прося и на молитву святого отца надѣяхся, дрѣзнухъ написати, елика слышахъ и елика видѣхъ, от великихъ малаа, елико мощно бысть мнѣ смиренному»⁷. Прочитав приведенный текст только до слов «свидѣтельствующимъ же и инымъ многимъ братиям», Б. М. Клосс сделал

⁴Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра // ЧОИДР. 1909. Кн. 2. Отд. III. С. 91. Примеч. 2.

⁵Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 92. Ср.: ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 262.

⁶ПСРЛ. Т. II. Стб. 271.

⁷РГБ. Ф. 304/1. № 746. Л. 260 об. — 261.



вид, будто свидетельство Пахомия Логофета — это свидетельство о его знакомстве с письменным сочинением о Сергии Радонежском «своего великого предшественника»⁸. Но вопреки Б. М. Клоссу речь в цитате идет о разговорах между Пахомием и Епифанием. Об этом прямо говорят последующие фразы Пахомия: «аз же сия слышавъ», «елика слышахъ», которые Б. М. Клосс постарался не приводить. Из слов Пахомия вытекает, что он беседовал с Епифанием Премудрым. Следовательно, ко времени посещения Пахомием Троице-Сергиева монастыря Епифаний Премудрый был жив. Когда же Пахомий оказался в Троице-Сергиевом монастыре? Как выяснил В. М. Яблонский, в 1438 г. Пахомий Логофет еще пребывал в Новгороде Великом⁹. В Москве и, следовательно, в Троицком монастыре он появился позже. К сожалению, точное время приезда Пахомия в Москву неизвестно. Но известно, что в 1443 г. он переписал поучения Симеона Богослова, а в 1444/1445 г. скопировал Палею. Где именно переписывал Пахомий Логофет эти рукописи — не установлено, но сохранились они в библиотеке Троице-Сергиева монастыря¹⁰. Поэтому есть некоторые основания полагать, что к 1443 г. ученый серб уже был в Троице. Если в это время он встречался с Епифанием Премудрым, то последнему, при его отождествлении с Епифанием, работавшим в Троице-Сергиевом монастыре в 1380 г., на чем настаивает Б. М. Клосс, было более 80 лет. Вещь в принципе возможная, но в реальности крайне маловероятная. Поэтому прокламируемое Б. М. Клоссом тождество монаха Епифания, в 1380 г. переписывавшего стихирарь, и Епифания Премудрого, скорее всего, несостоятельно. Это разные лица. Недаром в синодике Троице-Сергиева монастыря упоминается несколько монахов Епифаниев, скончавшихся в XV в., что Б. М. Клосс отметить был вынужден¹¹. Он только решил подтвердить мнение «компетентных составителей» 1880 г. списка погребенных в Троице-Сергиевой лавре, отнесших смерть Епифания Премудрого примерно к 1420 г. Указанная Б. М. Клоссом компетенция составителей 1880 г. ни при чем. Дату смерти Епифания они назвали в соответствии с работой митрополита Филарета¹², с которой Б. М. Клосс даже не удосужился познакомиться. Но и даты кончины Епифания Премудрого исследователей XIX в., и клоссовская дата его смерти («не позднее конца 1418—1419 г.»¹³) явно неверны¹⁴, поскольку совершенно игнорируют факт общения Пахомия Логофета с Епифанием Премудрым в начале 40-х гг. XV в.

⁸Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 96.

⁹Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908. С. 12.

¹⁰Там же. С. 16, 17.

¹¹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 97.

¹²Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859. С. 120.

¹³Там же.

¹⁴При явной ошибочности даты смерти Епифания Премудрого, выведенной Б. М. Клоссом, поучительно проследить, каким способом он ее устанавливает. Стремясь подтвердить дату 1420 г., названную в издании 1880 г., Б. М. Клосс сообщает: «Но у нас есть возможность проверить указанную дату с помощью древнейшего пергаменного Троицкого синодика 1575 г. В начальной части синодика записаны три Епифания, но датирующее значение имеет помещенная далее (выделено мною. — В. К.) запись имен княгинь: “княгиню Анастасию” (сверху надписано “князя Константина”), “Ксению”, “княгиню Анастасию” (сверху надписано “князя Юрья”)...» Указав, что Анастасия, жена князя Константина Дмитриевича, скончалась в октябре 6927 года, Б. М. Клосс объявил, что названный год является сентябрьским. В таком случае смерть жены князя Константина Дмитриевича приходится датировать октябрем 1418 г. В сентябре-октябре 1418 г. Епифаний Премудрый был жив. «Хотя не известно точно, — пишет далее Б. М. Клосс, — когда имя Анастасии было внесено в синодик, но можно предположить, что не позднее конца 1418—1419 г. Этим временем следует датировать и смерть Епифания. Таким способом мы подтверждаем примерную дату кончины Епифания, приведенную составителями списка погребенных в Троице-Сергиевой Лавре». В примечании Б. М. Клосс отметил, что «более поздняя дата смерти Епифания Премудрого исключается тем обстоятельством, что следующие “Епифаний” встречаются в записях синодика через значительный промежуток: на л. 22, 25 об., 40 и далее, что соответствует времени не ранее середины XV в.» (С. 97 и примеч. 7). Б. М. Клосс крайне невнимательно относится к собственным высказываниям и утверждениям. Если три Епифания упомянуты до имен трех княгинь (имена последних указаны на л. 12 об.), то какое значение имеют упоминания Епифаниев «на л. 22, 25 об., 40 и далее» после этих княгинь? Если «можно предположить», что имя Анастасии, жены Константина, внесено в синодик «не позднее конца 1418—1419 г.», то почему нельзя предположить, что оно внесено в синодик в 1433 или в 1434 г., когда скончался муж Анастасии Константин Угличский? И почему Б. М. Клосс думает, что из всех Епифаниев, записанных в синодике, Епифаний Премудрый записан первым, а не последним? Выводы Б. М. Клосса основаны на домыслах, отсутствует и общее представление об источнике, которым он пользуется. Хотя синодик Троице-Сергиева монастыря 1575 г. написан на пергаменте, он поздний, составлен по меньшей мере



Фантастично и начало биографии Епифания Премудрого, изложенное Б. М. Клоссом. Ничто не указывает на то, что Епифаний принял постриг в Троице-Сергиевом монастыре, как это утверждает Б. М. Клосс, называя даже точную дату принятия монашества будущим жизнеописателем Сергия Радонежского — «именно 12 мая 1375 г.» Если бы автор «Избранных трудов» обращался даже не к первоисточникам, не к исследовательским работам, а просто к справочникам, он мог бы узнать, что Епифаний юные годы провел в Ростове, где постигал азы грамотности в ростовском монастыре Григория Богослова, там Епифаний, очевидно, и принял постриг. В том же ростовском монастыре подвизался и Стефан, будущий пермский епископ, составлением Жития которого и начал, как считается, свою литературную деятельность Епифаний Премудрый¹⁵. Поразительно, что об этих общеизвестных эпизодах биографии Епифания Премудрого в «Избранных трудах» Б. М. Клосса, посвятившего названному средневековому писателю целую большую главу, не сказано ни слова! Автор явно затрудняется вести планомерную и системную работу по сбору и интерпретации исторических фактов, подменяя ее случайными и бессвязными наблюдениями, противоречащими принятым в науке заключениям.

Изложив и худо, и бедно биографию Епифания Премудрого, Б. М. Клосс перешел к характеристике его творчества. «Известны три сочинения, надписанные именем Епифания Премудрого: Житие Стефана Пермского, Житие Сергия Радонежского и Похвальное слово Сергию» — констатирует автор «Избранных трудов»¹⁶ и далее предлагает новую датировку первого и третьего из перечисленных сочинений Епифания. В Житии Стефана Пермского Б. М. Клосс обращает внимание на слова: «князю великому в благоверстве многолетство даруй и благоденство, и тишину мирну, и долготу дни устрой; митрополита же, правяща слово твоея истины, святительством честно встроена и благочестием преукрашена, в мире долгоденствующа, даруй»¹⁷. Из этого свидетельства Б. М. Клосс сделал вывод, что Житие Стефана написано Епифанием тогда, когда на Руси не было митрополита («митрополита ...даруй»). Такая трактовка возможна, но следовало бы отвести понимание текста как просьбы о дарении митрополита различными положительными качествами и долгожительством («святительством ...даруй»). Что касается первой трактовки, то известно, что после смерти митрополита Киприана в 1406 г. в Константинополе долгое время не могли подобрать ему преемника. Новый митрополит Фотий прибыл в Москву только 23 марта 1410 г.¹⁸ Поэтому Б. М. Клосс считает, что «создание Жития Стефана Пермского следует датировать 1406—1410 гг., причем более вероятными представляются 1408—1409 гг. (судя по тоскливому чувству, вызванному отсутствием на Руси митрополита)»¹⁹. Оставим на совести автора и обнаруженное им тоскливое чувство в приведенной цитате из Жития Стефана Пермского, и

через полтора века после интересующих Б. М. Клосса событий. Автору «Избранных трудов» следовало бы изучить, как этот синодик составлялся. Даже из приведенных им данных видно, что записи в нем не следовали в хронологической последовательности. Жена князя Юрия Дмитриевича Анастасия скончалась 11 июля 1418 г., т. е. раньше, чем жена Константина Дмитриевича (умершая на самом деле в октябре 1419 г.), а в синодике жена Юрия упомянута после жены Константина. Между тем, устанавливая время смерти Епифания Премудрого, Б. М. Клосс молчаливо исходит из строгой хронологической последовательности записей в синодике. Не мог Епифаний Премудрый и умереть в конце 1418 г. (эту начальную дату называет Б. М. Клосс). Епифаний пишет о том, что 26 лет спустя после смерти Сергия никто не написал его Жития. Следовательно, к октябрю 1418 г. оно написано не было. По объему Житие Сергия довольно значительно (более 3 современных печатных листов), сочинить которое за 2—3 месяца просто невозможно. Если, конечно, Епифаний Премудрый не трудился над ним денно и ночью, без пищи и сна, чтобы уложиться в отведенный ему Б. М. Клоссом жизненный срок. В целом же следует отметить, что и без привлечения дополнительных сведений, прямо противоречащих заключениям Б. М. Клосса, последние оказываются несостоятельными при более внимательном рассмотрении даже тех данных, которыми оперирует Б. М. Клосс.

¹⁵См., например: Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. I. Л., 1988. С. 211; ср. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 89.

¹⁶Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 97.

¹⁷Там же. С. 98.

¹⁸ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 485. Б. М. Клосс проезд Фотия в Москву ошибочно датирует апрелем 1410 г. (См.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 98).

¹⁹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 98.



использование новооткрытого чувства для датировки сочинения Елифания Премудрого. Если следовать Б. М. Клоссу, то в начале 1410 г. такое чувство у Елифания почему-то утратилось, и в то время закончить свое сочинение преисполненный уже бодрого чувства агиограф не смог. Все это несуразные домыслы. Твердым ориентиром создания Жития Стефана Пермского при предложенном Б. М. Клоссом понимании текста остается промежуток времени между 16 сентября 1406 г. (день кончины митрополита Киприана) и 23 марта 1410 г. (день приезда митрополита Фотия). Это при условии, что Елифаній Премудрый скончался до или в 1430-х гг. Но если он дожил до 40-х гг. XV в., может быть предложена и другая дата написания им Жития пермского епископа. На Руси не было митрополита не только в начале XV в., но и позже, когда 15 сентября 1440 г. из Москвы бежал принявший Флорентийскую унию с католиками митрополит Исидор²⁰. Новый митрополит Иона был хиротонисан лишь 15 декабря 1448 г.²¹ Поэтому слова Жития Стефана Пермского о «благоверстве» великого князя, об ожидании появления митрополита, «святительством честно встроена», могут быть истолкованы как реакция на события 1437–1440 г. Конечно, дистанция от «могут» до «непреренно должны» огромного размера, но Б. М. Клоссу для обоснования своей датировки необходимо было доказать невозможность отнесения создания Жития Стефана Пермского к 40-м гг. XV в. Однако никаких иных возможностей интерпретации свидетельства источника, кроме предлагаемого им самим, Б. М. Клосс не видит, а потому такие возможности и не обсуждает. Его заключения оказываются куцыми и субъективными.

Что касается времени написания Елифанием Премудрым второго своего агиографического произведения — Жития Сергия Радонежского, то оно должно определяться периодом не ранее конца 1418 — начала 1419 г.

Относительно датировки третьего елифаньевского труда — Слова похвального Сергию Радонежскому — в научной литературе существуют различные мнения, но большинство исследователей до сих пор указывало одну, но примерную дату — около 1418 г. Б. М. Клосс, исходя из существующего в литературе вопроса представления о невозможности написания этого произведения после 1422 г., объявляет временем его создания 25 сентября 1412 г.²² Однако такая дата выводится на основании пересечения в одной точке неких «круглых» цифр и оказывается ошибочной²³. Действительно существенным моментом при датировке Слова является давно указанное исследователями отсутствие в произведении упоминания об обретении мощей Сергия Радонежского. Рассказ об обретении его мощей содержится в одной из редакций Жития Сергия. Согласно этому повествованию, в 1422 г. радонежскому князю Андрею Владимировичу явился во сне Сергей Радонежский с гневным вопросом: «Въскую остависта мя сокровенна под землею на многа лѣта, и водѣ утѣсняющи въ гробѣ тѣло мое?»²⁴. Были начаты работы по извлечению из земли гроба Сергия: «и тако роскопаша землю и открывше чудотворный онъ гробъ»²⁵. «И видяще, — продолжает далее агиограф, — чудное тѣло и умилена достойно, зѣло дивляхуся, яко не токмо тѣло святого цѣло и нетлѣнно показася, но и одежда его, в ней же погребенъ бысть, цѣла бяше вся, къ тлѣнию никако же причястися. И вода обоуду странѣ гроба стояше зрима, телеси же святого, ни ризы его нимало прикоснуся... Сътвориши же празѣдникъ радостенъ мѣсяца июля въ 5 день и в раку честно съ псалмогѣниемъ тѣло положиши святого»²⁶. Далее по настоянию игумена Никона в Троице-Сергиевом монастыре был возведен каменный собор, в котором «положиши в рацѣ честное и многоцѣлебное тѣло святого, непрестанно

²⁰ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 190.

²¹Там же. С. 204.

²²Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 100, 147–148.

²³Подробный разбор этой аргументации Б. М. Клосса см.: Кучкин В. А. О времени написания Слова похвального Сергию Радонежскому Елифания Премудрого // От Древней Руси к России нового времени. Сб. статей. К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 407-419.

²⁴Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 418.

²⁵Там же. С. 419.

²⁶Там же.



точящи исцѣления приходящим с вѣрою и до сего дни»²⁷. В Слове похвальном подобных деталей нет, но их отсутствие само по себе не может однозначно свидетельствовать о написании Епифанием Похвалы Сергию до открытия его мощей в 1422 г. Памятник мог быть создан и после этого события.

В связи с этим одно место Похвалы Сергию Радонежскому, на которое Б. М. Клосс не обратил никакого внимания, оказывается весьма показательным для решения указанной дилеммы: «и по смерти къ гробу его присно приходяще, и съ страхомъ притѣкающе и вѣрою приступающе, и любовию припадающе, и съ умилениемъ приничюще, и рукама объемлюще святолѣпно и благоговѣино, осязающе очима и главами своими прикасающеся, и любезно цѣлующе раку мощей его, и устнами чистами лобызающе»²⁸. Епифаний отмечает, что молившиеся Сергию «рукама объемлюще» раку Сергия, они прикасались к ней головами, целовали и лобзали ее. Такого нельзя было сделать до лета 1422 г., когда гроб Сергия находился в земле под полом церкви и его обступала вода. Но это стало возможным после перенесения 5 июля 1422 г. останков Сергия в раку. Делается очевидным, что Слово похвальное Сергию Радонежскому было написано Епифанием Премудрым после указанной даты. Об этом же свидетельствует еще одна фраза памятника: «ниже дасть видѣти истлѣнна преподобному своему»²⁹. Но нетленность останков и даже одежды Сергия была обнаружена только в 1422 г., до той поры об этом просто не знали. Таким образом, Слово похвальное Сергию Радонежскому было написано Епифанием Премудрым не 25 сентября 1412 г., как утверждает Б. М. Клосс, а после 5 июля 1422 г. Поскольку в памятнике упоминается «светлая сия церковь», речь должна идти о новом каменном соборе Троице-Сергиева монастыря, начатом постройкой в 1422 г. Перенесение мощей Сергия в новую раку в новой церкви и вызвало написание ему Епифанием Премудрым Слова похвального. Косвенно этот факт еще раз подчеркивает всю несостоятельность клоссовских утверждений о смерти Епифания в конце 1418—1419 г.

Однако не этим трем памятникам, совершенно точно написанным Епифанием Премудрым, уделяется главное внимание в разбираемой части «Избранных трудов». Оказывается, около 1414 г. «Епифаний пробует силы в другом жанре и создает своеобразную полусветскую-полуцерковную биографию Сергия Радонежского, жизнь которого он описал на фоне общерусской истории XIV века. Речь идет о так называемой Троицкой летописи, которая к сожалению сгорела в московском пожаре 1812 г...»³⁰ Сам Б. М. Клосс утверждает, что «в Троицкой летописи сведения о Сергии начинают фиксироваться только с 1374 г.»³¹ Следует напомнить, что родился Сергий в 1322 г., а умер в 1392 г. Какая же биография, да еще «полусветская-полуцерковная», излагается в Троицкой летописи, если о первых 52-х годах жизни Сергия в этой летописи не сказано ни слова? Оставим также до времени в стороне основную мысль автора: писал ли Епифаний Премудрый Троицкую летопись. Заметим только, что мысль эта далеко не нова. За 10 лет до появления «Избранных трудов» Г. М. Прохоров отмечал, что Епифаний «был при митрополите Киприане причастен к ведению московского летописания»³², а Троицкая летопись и представляет собой свод, отразивший летописание времен митрополита Киприана. О причастности Епифания Премудрого к составлению этого свода речь пойдет ниже, сейчас же следует обратить внимание на некоторые менее значимые детали. Откуда в «Избранных трудах» утверждение, будто Троицкая летопись написана около 1414 г.? Оказывается, Б. М. Клосса поработила странная мысль. В свое время у известного собирателя русских древностей А. И. Мусина-Пушкина хранился написанный в 1414 г. в Новгороде Великом пергаменный сборник,

²⁷ Там же.

²⁸ Тихонравов Н. С. Древние Жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892. Отд. II. С. 148; Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 281.

²⁹ Тихонравов Н. С. Древние Жития преподобного Сергия Радонежского. Отд. II. С. 150; Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 282.

³⁰ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 100.

³¹ Там же. С. 96.

³² Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый. С. 217.



содержавший ряд произведений древнерусской литературы. В 1812 г. сборник сгорел в московском пожаре. Но до этого с него были сняты писарские копии, одна из которых была опубликована в 1893 г.³³ Содержание сборника стало доступно ученым. Оказалось, что в составе сборника читалось знаменитое «Слово о законе и благодати» русского митрополита XI в. Илариона. В сборнике 1414 г. оно было дополнено текстом, заимствованным из летописной статьи 6494 (986) года, впервые появившейся в Повести Временных лет. Текст в сборнике, совпадая в целом с летописным, имел два чтения: «всеми негодованьи вашими» и «се дева в чреве приемлеть», которые отличались от чтений в наиболее ранних древнерусских летописях Лаврентьевской и Ипатьевской, содержащих Повесть временных лет: «всеми негодованьи твоими» и «се девица в утробе зачнеть». Выяснилось, что чтения, сходные с чтениями сборника 1414 г., есть в Сокращенном своде 1493 г. (Б. М. Клосс называет его Погодинской летописью) и Владимирском летописце, доводящем изложение исторических событий до 1523 г. Поскольку во Владимирском летописце и Своде 1493 г. отразилась Троицкая летопись³⁴, то Б. М. Клосс сходные чтения сборника 1414 г. и двух поздних летописных памятников отнес к Троицкой летописи, а раз такие чтения есть в рукописи 1414 г., то объявляется, что Троицкая летопись также была составлена в 1414 г., а потому «около этого времени» Елифаній Премудрый и начал пробовать «силы в другом жанре». Ход рассуждений автора «Избранных трудов» только ему самому может казаться последовательным и доказательным. На самом деле в нем нет ни того, ни другого. Разница в одном слове («всеми негодованьи **вашими**» и «всеми негодованьи **твоими**») является ничтожно малой величиной и не может служить критерием текстологического сходства или различия между памятниками. Сам Б. М. Клосс относительно употребления якобы исключительно Елифанием Премудрым слова «посетитель» в значении «епископ», на чем настаивал Г. М. Прохоров, пишет, что «сочинение нельзя атрибутировать, основываясь только на одном признаке»³⁵. Слова справедливые, но относит их автор «Избранных трудов» исключительно к оппонентам и никогда к самому себе. Между тем несущественность различия «вашими» — «твоими» оттеняется тем обстоятельством, что в Радзивилловской летописи, восходящей к одному протографу с Московско-Академической летописью и вместе с нею близкой Лаврентьевской летописи, где стоит «твоими», читается «своими»³⁶, т. е. такое слово свободно, без всякого влияния параллельного текста, летописным редактором или даже переписчиком летописи заменялось близким по смыслу.

Второй приведенный Б. М. Клоссом пример расхождения текстов заслуживает более внимательного рассмотрения. Выражения «се девица в утробе зачнеть» и «се дева в чреве приемлеть» действительно разные, и разницу между памятниками, содержащими такие выражения, нельзя объяснять независимым творчеством переписчиков или редакторов, как в первом случае. Здесь приходится говорить о влиянии текстов. Однако сравнение, предложенное Б. М. Клоссом, не вполне строго: если в сборнике 1414 г. читается «се дева в чреве приемлеть», то во Владимирском летописце — «се дѣваа в чревѣ примет»³⁷. Уже по одному этому утверждение Б. М. Клосса о прямом использовании в сборнике 1414 г. Троицкой летописи оказывается ущербным. Сомнения в правильности такого утверждения возрастают еще больше, если принять во внимание, что слова «се дѣва въ чревѣ приметъ» читаются и в Новгородской I летописи младшего извода³⁸. Почему же в таком случае источником текста в

³³Срезневский В. И. Мусин-Пушкинский сборник 1414 года в копии начала XIX-го века. СПб., 1893.

³⁴ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 3; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 200–201.

³⁵Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 123–124.

³⁶ПСРЛ. Т. I. Л. 1926–1928. Стб. 98. Вар. 53. Это было отмечено еще А. А. Шахматовым. Им же указано, что в Софийской I летописи читается «вашими», т. е. так, как в Сокращенном своде 1493 г. и Владимирском летописце (см.: Шахматов А. А. Повесть Временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 122. Вар. к строке 20). Поэтому Б. М. Клоссу, утверждающему, что слово «вашими» в последних двух памятниках заимствовано из Троицкой летописи, надо было сначала доказать, что такое заимствование (если оно вообще было) не сделано из Софийской I летописи.

³⁷ПСРЛ. Т. XXX. С. 30. В Сокращенном своде 1493 г. также «приметъ (примет)», а не «приемлетъ» (см.: ПСРЛ. Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 204 и вар. 43).

³⁸Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 144.



Новгородском сборнике 1414 г. надо обязательно считать созданную в Москве Троицкую летопись, а не местную летопись типа Новгородской! Б. М. Клосс, указав на чтение в последней летописи, даже не сумел поразмышлять, какие же выводы могут следовать из приведенного им самим факта, обнаруживая все признаки заданного механического мышления. Но сходство между Новгородским сборником 1414 г. и некоторыми летописями может объясняться не влиянием на сборник летописей, а значительно проще. Разбираемые чтения («се девица в утробе зачнетъ» и «се дева в чреве приемлетъ (приметъ)») являются цитатами из Книги пророка Исаии³⁹, только из разных переводов этой Книги. В частности, в Евангелии от Матфея эта цитата имеет такой вид: **Се два во чревѣ прїиметъ**⁴⁰. В процессе редактирования или даже переписывания средневековых текстов, человек, на память знавший священное писание, мог легко заменить одно выражение на другое. Никакого воздействия летописи здесь искать не следует. Б. М. Клосс ничего этого не знает, а потому принимает библейский текст за летописный и начинает строить фантастические догадки как относительно соотношения текстов летописи и сборника, так и относительно времени создания Троицкой летописи. При этом обнаруживается, что Б. М. Клосс буквально понимает утверждение исследователей о Троицкой летописи как источнике Свода 1493 г. и Владимирского летописца. Он думает, что этим источником была та самая Троицкая летопись, над которой работал Н. М. Карамзин и которая погибла в 1812 г. Однако ученые, говоря об использовании Троицкой летописи при создании Свода 1493 г. и Владимирского летописца, имеют в виду летопись типа Троицкой, а не конкретно тот экземпляр летописного свода, что был утрачен при нашествии Наполеона. Б. М. Клосс, таким образом, не различает видовые и индивидуальные признаки источника и по видовым особенностям пытается выяснить время создания конкретного списка определенного вида летописи. Ясно, что при столь изломанной логике никаких научных результатов добиться невозможно. Как известно, практика — лучший способ проверки различных абстрактных построений. Б. М. Клосс мог бы практически сравнить тексты Свода 1493 г. и Владимирского летописца с выписками Н. М. Карамзина из Троицкой летописи и убедиться в том, что в Своде 1493 г. и Владимирском летописце нет сведений о болезни Сергия Радонежского в 1375 г., нет известия о смерти троицкого келаря Ильи в 1384 г., нет известия о смерти в 1387 г. троицкого монаха Исаакия молчальника, сообщения о смерти в 1392 г. Сергия Радонежского в обоих сводах кратки, похвалы Сергию не содержат, тем более похвалы распространенной, что было в Троицкой летописи⁴¹. Это означает, что в Своде 1493 г. и Владимирском летописце (точнее, в их источниках) был использован текст не конкретно Троицкой летописи, а летописи, близкой к ней.

Умствования Б. М. Клосса, лишённые и знания многих фактов, и последовательной логики, вообще не должны были бы публиковаться, поскольку существует гораздо более действенный способ проверить, что действительно читалось в статье 996 года сгоревшей Троицкой летописи: «всеми негодованьи вашими», «се дева в чреве приемлетъ» или «всеми негодованьи твоими», «се девица в утробе зачнетъ». В начале XIX в. к изданию готовилась Лаврентьевская летопись. Ее текст до статьи 1020 г. был сверен с текстами других летописей, из которых были подведены варианты. В числе этих других летописей была и Троицкая летопись. Вариантов к тексту Лаврентьевской летописи «всеми негодованьи твоими» и «се девица в утробе зачнетъ» из Троицкой летописи подведено не было. Следовательно, там читался тот же текст, что и в Лаврентьевской⁴². Все это отражено в приселковском издании Троицкой летописи 1950 г. Б. М. Клосс, претендующий на новое слово в изучении Троицкой летописи, просто обязан знать это издание. Но и здесь автор «Избранных трудов» умудрился не обратить внимания на нужные ему данные и пустился в странные и фантастические утверждения, отнявшие у него время на бесплодные разыскания и на написание лишённого доказательств текста.

³⁹Исаия. VII. 14.

⁴⁰Матфей. I. 23.

⁴¹ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. XXVII. С. 248, 255, 256, 258; ПСРЛ. М., 1965. Т. XXX. С. 122, 128, 129. Ср.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 398, 428, 432, 440–441 и примеч. 1 на с. 441.

⁴²Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия. М., 1824.



При изучении Троицкой летописи следует четко различать историю создания ее конкретного списка, утраченного в 1812 г., и историю создания свода, лежавшего в основе этого списка. Теперь можно не сомневаться в том, что список Троицкой летописи, кончавшийся на описании событий 1408 г., был изготовлен не в 1408 г., как часто утверждается в научных трудах, а позже. В свое время автор этих строк писал о том, что Троицкая летопись содержала редакторское пояснение, которое могло появиться только после 1416 г.⁴³ Выяснилось также, что в Троицкой летописи были ошибочно датированы события 1395 г.⁴⁴, следовательно, составитель летописи не был их современником. Поскольку в Троицкой летописи под 1392 г. читалась большая по своим размерам похвала Сергию Радонежскому, а Похвальное слово ему было написано, как указывалось выше, после 5 июля 1422 г., летопись не могла быть составлена ранее начала 20-х гг. XV в.

Писал ли эту летопись Елифаний Премудрый? Подпитываемый некоторыми разысканиями своих предшественников, но, как обычно, не ссылаясь на их труды, автор «Избранных трудов» указывает на 13 признаков, свидетельствующих, по его разумению, о написании летописи Елифанием Премудрым: «обстоятельно рассказывается об участии Сергия в основании Высоцкого Серпуховского и Стромьинского монастырей, о крещении Преподобным сыновей великого князя — Юрия и Петра и старшего сына удельного князя Владимира Андреевича — Ивана, о дипломатической миссии старца в 1385 г. к рязанскому князю Олегу, прослеживается судьба сергиевых постриженников Афанасия Высоцкого и Федора Симоновского; летопись упоминает даже о таких фактах внутримонастырской жизни, как болезнь “святого старца” в 1375 г., смерть в 1384 г. троицкого келаря Ильи, а в 1388 г. (надо: 1387 г. — В. К.) троицкого монаха Исакия Молчалника — в последних случаях с пространными панегирическими характеристиками. Под 1392 г. помещено известие о кончине Преподобного, сопровождающееся Похвалой Сергию на 20 листах, явно несоразмерной с объемом всего летописного свода...»⁴⁵. Из приведенного пассажа автора «Избранных трудов» делается очевидным, что к перу воображаемого им троицкого летописателя он относит все известия Троицкой летописи, так или иначе связанные или с именем Сергия Радонежского, или с Троице-Сергиевым монастырем. Известия объединены исключительно по формальным признакам, хотя в этом случае делается странным, почему такими признаками не являются упоминания в летописи Дмитрия Донского и его сподвижника Владимира Серпуховского, ведь они являлись духовными детьми Сергия Радонежского. Непродуманная формализация — одно из характерных проявлений математического мышления в области гуманитарных знаний. В один ряд поставлены известие о смерти троицкого келаря Ильи, которое вполне возможно отнести к перу троицкого монаха, и известие о рождении у Дмитрия Донского сына Петра, которого крестил Сергей Радонежский. Почему последнее известие записано в Троице-Сергиевом монастыре, а не в Москве великокняжеским летописцем, Б. М. Клосс не разъясняет. И очень странно признавать троицким летописное сообщение о посылке в 1380 г. великим князем Дмитрием Ивановичем

⁴³Кучкин В. А. К истории каменного строительства в московском Кремле XV в. // Средневековая Русь. М., 1976. С. 293–297. Б. М. Клосс, настаивающий на написании Троицкой летописи до 1414 г., глухо оспаривает вывод о создании Троицкой летописи не ранее 1416 г. Указание Троицкой летописи, что в 1405 г. иконописцы расписали церковь Благовещения в московском Кремле «не ту, иже ныне стоит», т. е. церковь, предшествовавшую той, которая существовала во время написания Троицкой летописи, Б. М. Клосс комментирует следующим образом: «“стоять” церковь могла уже в 1413–1414 гг., тем более, что 5 мая 1415 г. в городе Москве случился сильный пожар, который мог повредить строящееся здание, и его поэтому пришлось переделывать» (указывая на переделку, Б. М. Клосс дает косвенное объяснение, почему в 1416 г. летописцы отметили строительство нового Благовещенского собора), и продолжает: «С момента сооружения храма до его освящения вообще могло пройти значительное время» (Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 101. Примеч. 12). Но слова «иже ныне стоит» не указывают ни на «строящееся здание», ни на то, что церковь была уже освящена. Так говорят лишь об уже построенном здании. Б. М. Клосс просто плохо понимает древнерусский текст, но, чтобы оправдать свою датировку, придумывает несуществовавшие факты («“стоять” церковь могла уже в 1413–1414 гг.»). Не могла, данных нет. И почему пожар 5 мая 1415 г. должен был уничтожить «строящееся здание», а не уже построенный и расписанный в 1405 г. Благовещенский собор? Никаких альтернатив собственным построениям Б. М. Клосс не видит и их не обсуждает.

⁴⁴Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 300–304.

⁴⁵Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 101.



симоновского архимандрита Федора в Киев к митрополиту Киприану с приглашением к последнему приехать в Москву на том основании, что Федор приходился племянником Сергию Радонежскому. Федор был не только племянником, он был настоятелем великокняжеского Симонова монастыря и выполнял важное поручение великого князя. Запись об этом должна была быть в великокняжеском или митрополичьем летописании, а не в летописи скромного в ту пору подмосковного монастыря. Б. М. Клосс не отличает в исторических событиях связей существенных, определяющих от связей второстепенных и случайных, ставит их в один ряд, и немудрено, что в итоге он приходит к странным утверждениям. В частности, большинство его примеров, долженствующих показать широкое использование в Троицкой летописи сведений о Сергии Радонежском и Троицком монастыре, якобы собранных и записанных в этом монастыре, оказываются несостоятельными. Их появление в указанной летописи связано с работой летописцев при дворе или великого князя, или митрополита.

С именем Епифания Премудрого можно связывать только появление обширной Похвалы Сергию Радонежскому в утраченной Троицкой летописи. «Не может быть сомнений, — убеждает читателей Б. М. Клосс, — что это было именно Похвальное слово Сергию, надписанное во всех списках именем Епифания Премудрого и имеющее примерно тот же объем (для рукописей в четвертку), какой указал Н. М. Карамзин (“листах на двадцати”. — В. К.)»⁴⁶. Хотя не все списки Похвального слова Сергию Радонежскому, вопреки утверждению автора «Избранных трудов», указывают на авторство Епифания Премудрого, но имеющих такое указание большинство. Б. М. Клосс стремится подтвердить принадлежность перу Епифания Премудрого похвалы Сергию в Троицкой летописи указанием на совпадение объемов похвалы в летописи и Похвального слова Сергию в рукописях. Сам он отобрал 6 рукописей из 53, в которых Похвальное слово Сергию занимает примерно 20 листов. Однако при этом оказывается, что такое «примерно» обнаруживает большие колебания: от 18 до 24 листов⁴⁷, т. е. показатели расходятся на 50%. Очевидно, что уж если сопоставлять объем похвалы Сергию в утраченной Троицкой летописи с объемом написанного Епифанием Премудрым Похвального слова троицкому игумену, то эти объемы следует устанавливать по количеству не листов, а букв. Последнее достижимо, поскольку из начальной части Троицкой летописи подводились варианты к другим изданиям⁴⁸, и сколько знаков приходилось на один лист рукописи, вычислить можно. Но математик Б. М. Клосс предпочел грубые подсчеты. Весьма приблизительные и неточные подсчеты сопровождаются и невнимательностью к свидетельствам Н. М. Карамзина, которые послужили отправной точкой самих подсчетов. Н. М. Карамзин указывал, что в статье 6900 (1392) г. Троицкой летописи за сообщением о смерти Сергия Радонежского следует «похвала Св. Сергию, листах на двадцати; нет ничего исторического; один набор слов, иногда забавный»⁴⁹. Недоумение вызывает то обстоятельство, что Н. М. Карамзин не назвал автора «забавного набора слов». Если Похвальное слово Сергию Радонежскому надписывалось именем Епифания Премудрого, то почему в данном случае оно не было указано историографом? Имя Епифания Премудрого Н. М. Карамзину было известно. Он знал, что тот был учеником Сергия Радонежского и автором Жития Стефана Пермского⁵⁰. Указать на еще одно произведение Епифания, к тому же включенное в летопись, для Н. М. Карамзина было бы делом достаточно естественным. Однако этого Н. М. Карамзин не сделал. Не объясняется ли данное обстоятельство тем, что похвала Сергию в Троицкой летописи была безымянной и не содержала указания на авторство Епифания Премудрого? Похвала Сергию в Троицкой летописи могла быть уже переработанным летописным редактором Похвальным словом Епифания Премудрого. В таком случае об участии последнего в составлении Троицкой летописи, на чем так энергично настаивает Б. М. Клосс, говорить не приходится.

⁴⁶Там же. С. 246.

⁴⁷Там же.

⁴⁸Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 8–9, 12–14.

⁴⁹Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 316. Примеч. 254.

⁵⁰Там же. С. 67.



Но если обширную похвалу Сергию в Троицкой летописи отождествлять с Похвальным словом Епифания, то и тогда такое отождествление не может говорить о составлении Епифанием всей Троицкой летописи. Русские летописные своды XV—XVI столетий не содержат под 1392 г. обширных похвал Сергию Радонежскому или каких-либо намеков на присутствие таких текстов в их источниках. Похвала Сергию в Троицкой летописи — индивидуальная особенность этой летописи. Ее следует оценивать как вставку в указанный список летописного памятника. Если вставка принадлежит определенному лицу, это не значит, что таким лицом написана и та летописная основа, в которую было сделано включение. Б. М. Клосс же, для которого таких тонкостей не существует, считает просто: если он определил для какой-то части летописного текста автора, то тем самым он определил автора всего памятника. Поэтому-то у него Епифаний и пишет «своеобразную полусветскую-полудерковную биографию Сергия Радонежского» в виде Троицкой летописи.

Но может быть в этой летописи кроме похвалы есть другие записи о Сергии Радонежском, Троицком монастыре, его монахах, которые несомненно принадлежат перу Епифания Премудрого? Из перечисленных на с. 101 «Избранных трудов» т. н. «троицких» известий Троицкой летописи условно к троицким можно отнести лишь четыре: сообщение о болезни в 1375 г. Сергия Радонежского, запись о смерти в 1384 г. троицкого келаря Ильи, сообщение о смерти в 1387 г. троицкого монаха Исаакия молчальника, известие о смерти в 1392 г. самого Сергия Радонежского. Однако никаких показаний о написании и включении в Троицкую летопись перечисленных сообщений Епифанием Премудрым нет. Более того. Епифаний Премудрый в своем Житии Сергия Радонежского ничего не сообщает о болезни и выздоровлении Сергия в 1375 г. А болезнь была длительной: с великого поста, который в 1375 г. начинался 5 марта, до 1 сентября⁵¹. Выздоровление Сергия можно было трактовать как predetermined свыше, тем более, что в летописи читается теософское рассуждение о болезни троицкого настоятеля. Но в епифаниевском Житии Сергия этот важный эпизод биографии Сергия, готовый служить вящей славе игумена, оказался пропущенным. Это наводит на мысль, что составитель летописной статьи 1375 г. Троицкой летописи и Епифаний Премудрый — разные лица. Последний ничего не знал о болезни Сергия.

Выше уже говорилось о том, что в таких памятниках русского летописания, как Сокращенный свод 1493 г. и Владимирский летописец, нет троицких известий 1375, 1384 и 1387 г., хотя в них был использован материал, заимствованный из летописи, близкой Троицкой. То же можно сказать о памятниках более ранних: Софийской I и Новгородской IV летописях⁵². Конечно, можно говорить о сокращении во всех указанных сводах текста, сходного с текстом Троицкой летописи, и этим объяснять отсутствие в них троицких известий. Но Софийская I и Новгородская IV летописи восходят к своду митрополита Фотия, в котором опущение если не всех, то по меньшей мере некоторых сведений о Сергии Радонежском, странно. Более реальным выглядит иное объяснение отсутствия троицких сообщений: в указанных летописных сводах была использована летопись типа Троицкой, но без известий о монахах Троице-Сергиева монастыря. А это указывает на то, что в основе Троицкой летописи, сгоревшей в Москве в 1812 г., лежала летопись, не связанная с Троицким монастырем, и Епифаний Премудрый не был ее составителем.

Давно признано, что основу Троицкой летописи составил свод митрополита Киприана. Б. М. Клосс на сей счет ничего не пишет, избавляя себя от необходимости аргументированно опровергнуть это признанное в науке положение. Зато он всячески подчеркивает мысль о ведении в Троицком монастыре уже в XIV в. летописных записей. Основанием такого утверждения служат записи на уже упоминавшемся Троицком стихираре 1380 г. Писец стихираря Епифаний, действительно,

⁵¹Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 398.

⁵²ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. I. С. 445, 484, 490, 509 (нет известия о смерти Сергия Радонежского в 1392 г.); ПСРЛ. М., 1994. Т. XXXIX. С. 116, 127, 128, 133 (известие о смерти Сергия здесь вставлено в текст позднее — примеч. ч); ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. I. С. 300, 341, 348, 372.

оставил около десятка записей, но они не летописного, а дневникового характера, сообщающие, когда Епифаний приступил к переписыванию той или иной тетради рукописи, что происходило в стенах Троицкого монастыря, как наказывали одного из монахов, когда келарь отправился в Рязань, как скрипели ночью телеги и т. п.⁵³ Отмечено лишь одно крупное событие. Под 21 сентября Епифаний записал, что «вѣсть приде, яко Литва грядуть с Агаряны»⁵⁴. Весть явно связана с Куликовской битвой, но характерно, что о самой битве в записях Епифания нет ни слова. Это показывает, насколько неосведомленны оставались монахи небольшого подмосковного монастыря о событиях действительно масштабных и судьбоносных, касавшихся многих стран Восточной Европы, насколько трудно было им получить информацию. Даже сообщение о совместном походе литовцев и татар передано в виде вести, достоверность содержания которой было трудно проверить.

Между тем, в Троицкой летописи под 6901 (1393) годом, например, читался текст о взятии владевшим 11 землями (все они перечислены) турецким султаном Челябием столицы Болгарского царства Тырнова; под 6902 (1394) годом — о смерти с обстоятельными хронологическими указаниями бывшего нижегородского великого князя Бориса Константиновича; под 6906 (1398) годом — об осаде турецким султаном Баязидом Константинополя; под 6915 (1407) годом — о взятии литовцами в четверг 20 мая города Одоева (столицы Новосильского княжества); под 6916 (1408) годом — о смерти в субботу 7 апреля князя Федора Михайловича Моложского и захоронении его в городе Мологе; о выезде в воскресенье 8 июля из Брянска литовского князя Свидригайла и о его приезде в Москву 26 июля; о нападении на ставку ордынского хана Булат Салтана его противника, не убившего хана только потому, что проводник привел его не к резиденции Булат Салтана, а на торговое место, да к тому же «мгла бысть велика»⁵⁵. Как же могли попасть эти разнообразные сведения с массой мелких фактологических и хронологических деталей к трудившемуся в Троице-Сергиевом монастыре, по уверению Б. М. Клосса, над Троицкой летописью Епифанию Премудрому? И автор «Избранных трудов» находит выход из положения. Он объявляет, что Епифаний Премудрый составлял летопись не один. Ему помогали находившийся в Новгороде юрьевский архимандрит Варлаам и пребывавший в Твери архимандрит Спасо-Афанасьева монастыря Кирилл⁵⁶. «Таким образом, — заключает Б. М. Клосс, — можно говорить о существовании в начале XV в. высокоэлитного кружка российских интеллектуалов, находившихся в переписке, литературном общении и связанных книжными интересами»⁵⁷. Не говоря о том, что в начале XV в. речь о «российских» интеллектуалах идти не может (Б. М. Клосс переносит в средневековье современные понятия), характеристика трех лиц, данная самим автором «Избранных трудов», ничего не говорит об их общем участии в составлении Троицкой летописи. Нужно признаться, что за более чем двухсотлетнюю историю изучения русского летописания во многих странах мира ни один исследователь не додумался приписать составление летописного свода трем «интеллектуалам», жившим на расстоянии многих сотен километров друг от друга. Развивая фантазии Б. М. Клосса, можно представить, как происходил обмен информацией между Епифанием, Кириллом и Варлаамом.

...Вот из сеней кремлевского дворца Дмитрия Донского выходит симоновский архимандрит Федор. Он садится в возок, выезжает из белокаменных Боровицких ворот, проезжает мост через Неглинку и уже в сопровождении поджидавших его у моста вооруженных конников вкатывает на будущий Большой Каменный мост через Москва-реку. В это время спецкор Епифания Премудрого Бориска, сидевший на крыше избы на окраине Старого Ваганькова и ловивший всевозможные

⁵³Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). 2-е изд. СПб., 1882. Стб. 240–241.

⁵⁴Там же. Стб. 241.

⁵⁵Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 442, 444, 448, 466, 467, 469.

⁵⁶Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 104, 120. Спасо-Афанасьевского монастыря в Твери не существовало. Был Афанасьевский монастырь у восточной стороны Спасского собора. Неизвестно, был ли этот монастырь архимандритией. Кирилла Б. М. Клосс сначала называет игуменом (с. 104), а потом превращает в архимандрита.

⁵⁷Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 104–105.



кремлевские вести, слухи и сплетни, узрев возок племянника Сергия Радонежского, проворно скатился с крыши, отвязал привязанную к воротному столбу кобылу и, бормоча в бороду «Пошел... пошли все...» и уже более отчетливо: «Да знамо, куды и почто», галопом понесся в противоположном направлении на север, выехал на переяславскую дорогу и уже глубокой ночью, почти загнав лошадь, постучался в епфаниевскую келью. «Князь великий Дмитриеи Ивановичь посла отца своего духовнаго Феодора, игумена симоновскаго, въ Царьгородъ о управлении митрополия» — с порога выпалил он важную весть. Премудрый немедленно записал, пометив известие 6894 годом. Тут же растолкал спавшего в пристройке у кельи послушника Михалку и велел ему отправляться в Тверь. Спросонья Михалка долго седлал лошадь, но еще до рассвета отправился в дальнюю дорогу. Уже подъезжая к Волоку Ламскому, он заприметил впереди на пути большое облако пыли, а вскоре поравнялся со всадником, в котором узнал Большечуда, холопа Кирилла Тверского. Тот мчался в Троицу, чтобы сообщить Епифанию свежие новости, только что поступившие из Новгорода от Варлаама. Оказывается, Новгород посетил пермский епископ Стефан Храп, давний собеседник Епифания Премудрого, а сам Новгород заратился с московским великим князем, и Дмитрию Ивановичу было с новгородцами розмирье. Обменявшись новостями, всадники поскакали в разных направлениях. Теперь они были уверены: единый общероссийский летописный свод будет создан...

Домыслы Б. М. Клосса открывают широкий простор для написаний историко-фантастических романов. Но если оценивать факты прошлого реально, никаких усилий «высокоэлитного кружка российских интеллектуалов» не хватило бы для собирания сведений о том, что происходило не только в Москве, Твери или Новгороде Великом, но и в Суздале, Ростове, Литве, Новосильском и Моложском княжествах, Пскове и немецкой Прибалтике, византийском Константинополе и ордынском Сарае. Для этого нужна была большая сеть самых разнообразных информаторов, и специальных, и случайных. Собирать такую информацию можно было при дворах высокопоставленных лиц, таких, как князья, митрополиты, епископы. Поэтому в науке и выделяются летописные своды княжеские, митрополичьи, владычные. Троицкая летопись всегда считалась памятником митрополичьего летописания. По-видимому, для Б. М. Клосса это большая новость. И утверждая о создании Троицкой летописи «высокоэлитным кружком российских интеллектуалов», автор «Избранных трудов» даже не счел нужным упомянуть о прежних представлениях, тем более взять на себя труд доказать ошибочность существующей точки зрения.

Написав, согласно Б. М. Клоссу, Троицкую летопись, Епифаний Премудрый почему-то расстался со своими высокоэлитноинтеллектуальными друзьями и стал писать летопись уже в иной компании, вместе с сотрудниками митрополита Фотия, но летопись не всю, от начала до конца, а только некие обширные статьи. «Несколько произведений, — сообщает Б. М. Клосс, — Епифаний написал для составлявшегося около 1418 г. Летописного свода Фотия (общего источника Софийской I и Новгородской IV летописей)»⁵⁸. В «Избранных трудах» перечисляются летописные статьи, приписанные перу Епифания Премудрого: 6888 (1380) года (повествование о Куликовской битве), 6890 (1382) года (рассказ о взятии Москвы Тохтамышем), 6897 (1389) года («Слово» о жизни и смерти Дмитрия Донского), 6907 (1399) года (рассказ о битве на р. Ворскле, а также рассказ о смерти тверского великого князя Михаила Александровича), 6910 (1402) года (поучение по поводу небесного знамения), 6914 (1406) года (рассказ о смерти митрополита Киприана)⁵⁹. Кроме того объявлено, что Повесть о нашествии Темир-Аксака (летописную статью 6903 года), отсутствующую как в Софийской I летописи, так и в Новгородской IV летописи, и, следовательно, не читавшуюся в своде 1418 г. митрополита Фотия, также написал Епифаний Премудрый⁶⁰, правда, без разъяснений, когда он это сделал и для какого летописного памятника. Ни одна из перечисленных статей не содержит

⁵⁸ Там же. С. 110.

⁵⁹ Там же. С. 110–124.

⁶⁰ Там же. С. 124–127.

ни прямых, ни косвенных указаний на их написание Елифанием Премудрым. На чем же основывается автор «Избранных трудов», утверждая, что автором названных летописных текстов является Елифаній?

Оказывается, главным и единственным доводом Б. М. Клосса является единство стилей всех этих статей, Троицкой летописи и бесспорно елифаниевских произведений — Житий Стефана Пермского и Сергия Радонежского, Похвального слова Сергию Радонежскому. О стиле Елифания Премудрого в научной литературе говорили давно. Еще В. О. Ключевский отмечал в произведениях Елифания употребление новых, придуманных им же, слов, наличие длинных и утомительных рядов эпитетов и сравнений⁶¹. Можно также указать на подробные, полные тонких наблюдений описания Елифанием пищи и одежды — основных условий человеческого существования. Что же понимает под стилем Б. М. Клосс? В «Избранных трудах» под стилем разумеется одно словесное сходство. Вот достаточно типичный образец доказательства Б. М. Клоссом написания рассказа о смерти Михаила Александровича Тверского, правителя отнюдь не Московского княжества, где подвизался агиограф, Елифанием Премудрым: «Для встречи Михаила собралось “народа много множество” (388), в Житии Стефана — “много множество народа” (86)»⁶². В приведенных цитатах разный порядок слов, в первом предложении употреблено полное прилагательное «многое», во втором — краткое прилагательное «много». Но дело не только в указанных различиях и, главным образом, не в них. Стоит открыть словари древнерусского языка, и там обнаружится масса примеров сходных выражений из памятников совершенно разных эпох: «многоъ народъ», «множьство народа», «бесчисленное множество народа». Их просто невозможно приписывать одному человеку. Для Б. М. Клосса не существует и никаких альтернатив при объяснении происхождения сходных выражений: заимствованы ли они одним автором у другого, почерпнуты ли каждым из них из одного и того же источника, являются ли широко распространенным общим местом, употребляемым при описании одинаковых случаев или ситуаций, представляют ли определенную писательскую манеру, распространенную в данное время. Автор «Избранных трудов» в сходных выражениях средневековых текстов видит проявление лишь авторства одного писателя и ничего более.

Сами совпадения зачастую представлены в книге Б. М. Клосса одним словом. Так, в Новгородской IV летописи в статье 6910 года читается «не знаемая звезды», а поскольку в Письме Елифания Премудрого Кириллу встречаются слова «не знаемая подпись», в Житии Стефана Пермского — «не знаемая азбука», а в Житии Сергия Радонежского слова «незнаемо», «незнаема», делается вывод, что статью 6910 г. писал Елифаній Премудрый⁶³. При таком способе установления единства стилей, а на этой основе определения авторов средневековых повествовательных памятников, последнее становится необычайно легким. Нужно только сканировать в компьютер интересующие исследователя произведения, заказать компьютеру поиск характерного, по представлениям того же исследователя, слова, и, если такое слово окажется в нескольких текстах, можно смело называть их автора. Математик Б. М. Клосс как-то не догадался воспользоваться техникой для таких своих нужд. Правда, если другие исследователи сочтут, что какое-то иное слово характерно для какого-то иного писателя, и найдут такое слово в тех же текстах, авторов последних может оказаться великое множество, и научная истина канет в Лету. Вводя свои мерки определения авторского стиля, Б. М. Клосс совершенно не знает тех новых методов определения авторства, причем с привлечением математики, что начали разрабатываться в нашей и мировой науке с 60-х гг. XX в.⁶⁴ «Плодотворность» же приемов, используемых Б. М. Клоссом для установления авторства тех анонимных летописных статей, о которых он пишет, ясно видна на следующем примере.

Выше уже говорилось о том, что статью 6910 г. Новгородской IV летописи автор «Избранных трудов» считает написанной для свода 1418 г. Елифанием Премудрым, в частности, на основании

⁶¹Ключевский В. О. Избранные труды. Т. I. С. 93 и примеч. 1; 111.

⁶²Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 121.

⁶³Там же. С. 122–123. Написание «не знаемая» принадлежит Б. М. Клоссу.

⁶⁴См. сборник работ, специально посвященный математическим методам установления авторства русских средневековых произведений: От Нестора до Фонвизина / Под ред. Л. В. Милова. М., 1994.

употребления в этой статье слова «незнаемья». Новгородская IV летопись сохранилась в нескольких списках. Списки Новороссийский и Голицынский прерывают свое изложение событий русской истории на 1437 г. Списки Академический, Синодальный, Строевский, Фроловский доводят рассказ об этих событиях до 1447 г. Очевидно, что в основе первых двух списков лежит более древний текст, а в основе четырех других — более поздний⁶⁵. Статья 6910 г. в первых двух списках описывает появление в марте 1402 г. на западе крупной звезды (это была комета) и содержит краткий теософский комментарий на тему о небесных явлениях. В других четырех списках сохраняется тот же текст, но к нему прибавлено новое рассуждение, раза в три превышающее прежнее. В издании Новгородской IV летописи это новое рассуждение специально отделено от основного текста⁶⁶. Б. М. Клосс рассматривает и теософский комментарий несохранившегося свода 1437 г., и обширное добавление к нему сводчика 1447 г. как единое произведение⁶⁷. Он угадывает в нем руку «такого блестящего мастера, как Епифаний Премудрый»⁶⁸. Угадывание сопровождается указаниями на одинаковые слова и сходные выражения в Троицкой летописи, якобы написанной Епифанием, Житиях Стефана и Сергия, Похвальном слове Сергию Радонежскому, с одной стороны, и в комментарии и добавлении к нему статьи 6910 г. младших списков Новгородской IV летописи⁶⁹. Епифаний Премудрый делается, таким образом, автором теософских рассуждений, включенных в новгородский свод 1437 г., что возможно только теоретически, и автором дополнений к этим рассуждениям, написанных при составлении новгородского свода 1447 г. Последнее невозможно уже ни практически, ни теоретически. К тому времени Епифаний едва ли был жив, а если жив, то в таком возрасте, который явно не позволял ему ехать в Новгород Великий и там работать над летописью. Ее составляли и дополняли другие люди. Но прослеженное Б. М. Клоссом сходство слов и выражений сочинений Епифания Премудрого с поздними новгородскими летописными добавлениями ясно показывает, чего на самом деле стоят клоссовские критерии определения авторов средневековых текстов⁷⁰.

Выясняется и еще одна пикантная деталь в построениях автора «Избранных трудов». Он, как мы помним, писал, что Епифаний Премудрый трудился над составлением ряда статей для свода 1418 г. митрополита Фотия. Свод этот не сохранился, но его текст можно восстановить на основании общих чтений Софийской I и Новгородской IV летописей. И об этом писал Б. М. Клосс. Однако в Софийской I летописи, хотя и есть сообщение о появлении на небе немалой звезды, нет никакого комментария к этому известию и, конечно, нет добавления 1447 г.⁷¹ Следовательно, комментарий появился не в своде 1418 г., а позже, его нельзя рассматривать как текст свода Фотия. Приписывая

⁶⁵ Шахматов А. А. Обзор русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 182–183.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. Л., 1925. С. 392–394.

⁶⁷ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 121 и примеч. 66.

⁶⁸ Там же. С. 122.

⁶⁹ Там же. С. 122–123.

⁷⁰ По уверениям Б. М. Клосса, Троицкую летопись и статью 1382 года о нашествии Тохтамыша в своде митрополита Фотия 1418 г. писал Епифаний Премудрый. Сравнивая тексты, восходящие к этим памятникам или повторяющие их, можно обнаружить следующее. В Троицкой летописи в рассказе о взятии в 1382 г. Москвы Тохтамышем читалась фраза: «И инии мнози игумени, и прозвитери, и чернци, и крилошане, и чернци, и попове, диаconi, и простьци отъ унаго и до старца, и младенца мужеска полу и женска, тии все побие ни быша...» (Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 423–424). В Софийской I летописи фраза представлена в сокращенном виде: «И инии игумени, попы и дякони, и черноризцы, и чернци от уна и до стара мужескаго полу и женскаго, тѣ всѣ посѣчени...» (ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. М., 2000. Стб. 480). Более полный текст по сравнению с Софийской I летописью читается в Новгородской IV летописи: «И инии мнози игумены, и попове и дякони, крилошанѣ, четци и пѣвци, чернци, простьцѣ и отъ юнаго и до старца, моужеска полу и женска, тѣ вси посѣчени быша...» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. С. 335). Если из Новгородской IV летописи изъять слова «четци и пѣвци», которые вставлены именно в эту летопись (таких слов нет ни в Софийской I летописи, ни в отдаленном источнике Софийской I и Новгородской IV летописей — Троицкой), то текст Новгородской IV будет в принципе совпадать с Софийской I (кроме слова «простьцѣ»). Общий текст Софийской I и Новгородской IV читался в своде 1418 г. митрополита Фотия. Если статью 6890 (1382) г. в своде Фотия писал Епифаний Премудрый, любивший длинные перечни и плетение словес, то почему он сократил эти перечни по сравнению с Троицкой летописью, написанной, по Б. М. Клоссу, им же самим?

⁷¹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. Стб. 522.



комментарий статьи 6910 г. Новгородской IV летописи Елифанию, будто бы писавшему ряд статей для свода 1418 г., Б. М. Клосс обнаруживает полное непонимание того, как надо восстанавливать недошедшие летописные тексты. Вычитав в литературе, что Софийская I и Новгородская IV летописи имеют общий источник, он возводит к нему все, что написано в Новгородской IV летописи — ошибка, весьма характерная для текстологов-дилетантов.

Разобранный случай не является единственным. Определяя политическую направленность свода митрополита Фотия, Б. М. Клосс утверждает, что там в рассказе о Куликовской битве читался выпад против литовцев: «при нынешних временах Литва над нами издеваются и поругаются»⁷². Однако в Софийской I летописи таких слов нет⁷³. Следовательно, к общему источнику Новгородской IV и Софийской I летописей, т. е. к своду 1418 г., их возводить нельзя. Они впервые появились в новгородском своде 1437 г. Подробное обоснование этого было приведено в 1998 г. в примечании к тексту, изданному... Б. М. Клоссом⁷⁴. Но Б. М. Клосс, видимо, не читает или не помнит даже тех работ, в которых сам принимал участие.

Одна ошибка влечет за собой целую цепочку других. Приписав своду митрополита Фотия антилитовскую направленность, Б. М. Клосс решил использовать завещания занимавшего тогда московский стол великого князя Василия Дмитриевича для определения того, отразилась ли такая направленность и в этих документах. Оказалось, что нет. Тогда Б. М. Клосс, датировав самое раннее из завещаний Василия I, в котором гарантом выполнения предсмертной воли завещателя наряду с русскими князьями назван литовский великий князь Витовт, решил, что тем самым он устанавливает верхний хронологический предел, позже которого свод Фотия не мог быть составлен. В основе всех этих манипуляций лежит мысль, что если в княжеском завещании гарантом назван правитель Литвы, то никакие враждебные Литве выпады в московских исторических, литературных или публицистических памятниках уже невозможны. Но средневековую Русь не надо представлять в виде того государственного монолита, в котором провел свои молодые годы автор «Избранных трудов». От главы государства исходило далеко не все, и не на все оценки он мог влиять. Митрополит Фотий и его окружение могли высказывать взгляды иные, чем московский великий князь. А были еще независимые от Москвы Новгород и Тверь, имевшие свои, особые отношения с Литвой и по-своему их оценивавшие. Проявленное в великокняжеских завещаниях дружественное отношение к Витовту, являвшемуся тестем Василия I, не надо рассматривать как набатный колокол, возвестивший начало новой идеологической политики относительно Литвы для всех и для каждого в русских землях XV в. Антилитовские выпады могли сохраняться и в московском митрополичьем летописании, и в летописании Новгорода Великого. Завещания Василия I в данном случае никаким индикатором служить не могут.

Однако Б. М. Клоссу так понравилось изучение этих завещаний, что он решил блеснуть и здесь, написав очерк, совершенно не относящийся к теме работы. Просмотрев завещания Василия Дмитриевича 1417 г., 1423 г. и копию последней грамоты⁷⁵, Б. М. Клосс решил, что «несмотря на то, что в грамоте № 13 указан писец — дьяк великого князя Тимофей Ачкасов, в грамоте № 15 — дьяк великого князя Алексей Стромиллов, а грамота № 16 считается вообще поздней копией, все эти грамоты написаны одним почерком (судя по всему, Тимофеем Ачкасовым). Таким образом, грамоту № 16 следует признать не поздней копией, а еще одним подлинником, причем и пометы на ее обороте принадлежат тому же основному писцу»⁷⁶. Самоуверенное вторжение в область актоведения человека, до этого актами никогда не занимавшегося, приносит диковинные плоды. Завещание 1417 г. (грамота № 13) имеет точное указание: «А грамоту писал мои дьякъ Тимофѣи

⁷²Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 117. См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. С. 323.

⁷³ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. Стб. 468.

⁷⁴Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 86–87.

⁷⁵РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. 1. № 13, 15, 16.

⁷⁶Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 118.



Ачкасовъ»⁷⁷. Б. М. Клосс это свидетельство не оспаривает. Завещание 1423 г. (грамота № 15) сообщает: «А писал сю мою грамоту Олексѣи Стромилевъ»⁷⁸. Внизу грамоты имеется подпись (на греческом языке) митрополита Фотия. Поскольку к грамоте привешена княжеская печать, не остается сомнений, что это подлинник. Но прямое свидетельство подлинника, что его писал дьяк Стромилев, Б. М. Клосс решительно отвергает, потому что ему видится в грамоте почерк дьяка Ачкасова. Никаких данных о тождестве почерков грамот № 13 и № 15 автор «Избранных трудов» при этом не приводит. Грамота № 16 также объявляется написанной Тимофеем Ачкасовым, а раз ее писал Ачкасов, то делается вывод, что это еще один подлинник завещания Василия I. Но почему один и тот же великокняжеский дьяк мог составлять только подлинники и не мог снимать с них копии, автор «Избранных трудов» не разъясняет. Грамота № 16 является копией с грамоты № 15. Их тексты совпадают. Но грамота № 16 кончается словами, написанными тем же почерком и теми же чернилами, что и предшествующий текст: «Список з грамоты, что поймал Олексѣи з собою в Литву, коли с митрополитом поѣхал с Фотѣем на середохрестье»⁷⁹. Это совсем не помета, как казалось Л. В. Черепнину и как кажется повторившему своего предшественника (как обычно, без ссылки) Б. М. Клоссу. Это запись писца, закончившего такими словами переписку последнего завещания великого князя Василия Дмитриевича⁸⁰. Запись не оставляет никаких сомнений в том, что перед нами не подлинник завещания с почему-то отрезанными печатями, как уверяет Б. М. Клосс⁸¹, а копия, «список», в которой отсутствует роспись митрополита Фотия, имеющаяся на грамотах № 13 и № 15. Что касается написания этого списка Тимофеем Ачкасовым, на чем настаивает Б. М. Клосс, то сопоставление почерков грамот № 13, № 15 и № 16 приводит к выводу о принадлежности их двум разным людям. Грамота № 13 (писец Тимофей Ачкасов) написана четким, аккуратным полууставом, без выносных букв. Грамота № 15 (писец Алексей Стромилев) написана более крупным, более небрежным и размашистым полууставом с выносными буквами. Ачкасов и Стромилев по-разному пишут буквы **в**, **ѣ** и **л**. Букву **д** Ачкасов писал с наклоном влево, а Стромилев — с наклоном вправо. Грамоту № 16 (копию грамоты № 15) также написал Алексей Стромилев. Здесь встречается характерное для Стромилева написание буквы **ѣ**, есть выносные буквы, почерк крупный и небрежный. Объявление в совершенно «Избранных трудах» Тимофея Ачкасова писцом всех трех грамот — явный нонсенс.

Вообще говоря, смелая идентификация почерков различных людей постоянно присутствует в работах Б. М. Клосса. Чего на самом деле стоят такие отождествления, показывает один красноречивый пример. В работе 1990 г. при описании списков Проложной редакции Жития Сергия Радонежского под № 38 Б. М. Клоссом был указан список «ГПБ. ОЛДП. Ф. 217 (Л. 239–243) — I пол. XVI в.» а под № 50 — список «ГПБ; Кир.-Бел. 22/1099 (Л. 163–166 об.) — XVI в.»⁸² Через 8 лет в рассматриваемом первом томе «Избранных трудов» этим спискам была дана уже совсем другая характеристика. В описании списков той же Проложной редакции Жития Сергия Радонежского под № 9 значится список «РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099 (Л. 164–167 об.; со стихом) — 1476 г.», а под № 75 — список «РНБ. Собр. Общества любителей древней письменности, Ф. 217 (Л. 239 — 243; б.с.) — нач. XVII в. (далее указаны филигранные 1606 и 1607 г. — В. К.)»⁸³. Не будем обсуждать вопросов, когда и где надо было отмечать наличие или отсутствие стихов в списках, в 1990 г. или в 1998 г. правильно указаны листы рукописи Кирилло-Белозерского

⁷⁷ ДДГ. № 21. С. 59.

⁷⁸ Там же. № 22. С. 62.

⁷⁹ ДДГ. № 22. С. 62.

⁸⁰ Пометой является другой текст, содержащий указание на год поездки к Витовту дьяка Алексея — там же. Этот текст написан перпендикулярно к тексту грамоты, другим почерком и другими чернилами. Это помета архивистов Василия I.

⁸¹ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 119.

⁸² Клосс Б. М. Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию русских рукописных книг. Вып. III. Ч. 2. М., 1990. С. 283.

⁸³ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 191, 197.



собр. № 22/1099, на которых читается Житие Сергия Радонежского. Обратим внимание на даты. В 1990 г. последняя рукопись была отнесена к XVI в., а в 1998 г. — к 1476 г. Другая рукопись в 1990 г. была отнесена к первой половине XVI в., а в 1998 г. по филиграммам — к началу XVII в. По каким же признакам в 1990 г. Б. М. Клосс датировал обе рукописи XVI веком? Очевидно, что не по филиграммам, поскольку те указывали на совсем иное время написания рукописей. Ясно, что водяных знаков обоих сборников Б. М. Клосс тогда не изучил, но счел излишним прямо предупредить об этом читателей. Почему же все-таки появился XVI в.? Есть единственный ответ на поставленный вопрос — в 1990 г. датировки были произведены по почерку⁸⁴. В 1998 г. выяснилось, что датировка ни той, ни другой рукописи неверна. Одна рукопись относится к 70-м г. XV в., другая — к первому десятилетию XVII в. Ошибки 1990 г. ясно показывают, что Б. М. Клосс не отличает полууставных почерков последней четверти XV в. от полууставных почерков начала XVII в. Но если не различаются почерки, разделенные почти полутора столетиями, то как же можно различить индивидуальные почерки людей начала XV в.: Тимофея Ачкасова и Алексея Стромиллова? Выясняется, что тоже никак.

Ошибочна в книге Б. М. Клосса и хронология духовных грамот Василия Дмитриевича, написанных Тимофеем Ачкасовым и Алексеем Стромилловым. О времени составления этих завещаний писали многие ученые XIX—XX вв. Ни одной их работы Б. М. Клосс не знает, аргументацию не разбирает, но дает свою, явно неверную. Так, он считает, что поскольку в обеих грамотах упоминается князь Ярослав Владимирович, а он с 1414 г. по 1421 г. жил в Литве, то завещания Василия I могли быть составлены не ранее 1421 г.⁸⁵ А это, по логике Б. М. Клосса, объясняет, почему в своде 1418 г. митрополита Фотия имели место антилитовские выпады, а в духовных грамотах великого князя Василия продемонстрированы близкие и дружественные отношения с литовским великим князем Витовтом. Объяснение автору «Избранных трудов» видится во временной разнице между сводом митрополита Фотия и завещаниями великого князя Василия Дмитриевича. Однако отсутствие в Москве князя Ярослава Владимировича не влияло на включение его имени в тексты великокняжеских завещаний. Б. М. Клосс путает какую-нибудь купчую, при оформлении которой физическое присутствие контрагентов зачастую было обязательным, с великокняжеским тестаментом, имевшим политический характер, а потому перечислявшим всех лиц, которые должны были нести ответственность за судьбу великокняжеской семьи и строгое исполнение предсмертного ряда завещателя в случае кончины великого князя. Ведь названный в той же статье завещаний Василия Дмитриевича литовский великий князь Витовт явно отсутствовал в Москве в момент их составления. Новации Б. М. Клосса и в дипломатике оказываются негодными.

Приписав Елифанью Премудрому неохватные труды в области русского летописания, Б. М. Клосс перешел к характеристикам других литераторов троицкой школы. Каждому из них посвящена особая глава. Всего их насчитывается семь. Но их общий объем в четыре раза меньше объема первой главы. Лилипутские главки не имеют никакой научной ценности, они зачастую меньше статей в энциклопедических справочниках. Зато фактических ошибок и необоснованных утверждений в них немало. Так, излагая на 1¼ страницы биографию Пахомия Логофета, написавшего гораздо больше, чем Елифанья Премудрый, Б. М. Клосс утверждает, что тот уже в 1438 г. находился в Троице-Сергиевом монастыре, где прожил до конца 50-х г. XV в.⁸⁶ Но специальное исследование биографии ученого серба говорит об ином, о пребывании до 1438 г. включительно Пахомия в Новгороде⁸⁷. Помещая Пахомия на 20 лет в Троицкий монастырь, Б. М. Клосс хочет представить его истинным монахом этого монастыря и приписать Пахомию

⁸⁴ Следует заметить, что Б. М. Клоссу в 1990 г. осталась неизвестной опубликованная в 1980 г. М. Д. Каган, В. Н. Поньрко и М. В. Рождественской статья с подробнейшим, в несколько печатных листов, описанием сборника Кир.-Бел. 22/1099. Все филиграммы сборника датировались в статье XV веком (см.: Каган М. Д., Поньрко В. Н., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Т. 35. Л., 1980. С. 3–105.

⁸⁵ Там же. С. 119 и примеч. 61.

⁸⁶ Там же. С. 129.

⁸⁷ Яблонский В. М. Пахомий Серб. С. 12.

развитие именно троицких литературных традиций. Между тем, судя по Житию митрополита Алексея, Пахомий выполнял литературные поручения митрополита и московского великого князя⁸⁸, проживая в то время не в Троице, а в Москве. Характер писательской деятельности Пахомия Серба был общерусским. Ставить его в ряд собственно троицких агиографов нет оснований. Очень странно звучит заключительная фраза главы о Пахомии: «С конца 70-х годов XV в. сведения о Пахомий (так!) Логофете прекращаются»⁸⁹. Несведущий автор «Избранных трудов» вводит читателей в явное заблуждение. Пахомий Логофет скончался после 1484 г.⁹⁰, и сведения о нем до этого года есть.

Столь же безапелляционны и столь же неверны и другие утверждения Б. М. Клосса. Так, под его пером в троицкого писателя превратился коломенский епископ Митрофан. Б. М. Клосс сделал его постриженником Троице-Сергиева монастыря, хотя сведений об этом нет никаких, приписал ему авторство «Сказания о Мамаевом побоище», а в июне 1518 г. отправил «на покой» в Троице-Сергиев монастырь⁹¹. И об этом факте у Б. М. Клосса никаких данных не было. Вскоре выяснилось, что Митрофан ушел на покой, но не в Троицкий, а в Павловский монастырь.

Еще одно миражное клоссовское видение обнаруживается в его изложении биографии Андриана Ангелова, келаря Троице-Сергиева монастыря, писателя XVI в. Рассказав по А. Н. Насонову (естественно, без всяких ссылок) об описании Андрианом (он себя называл именно так) Ангеловым взятия в 1552 г. Казани Иваном Грозным⁹², автор «Избранных трудов» заявил, что «умер Адриан Ангелов в 1561 г. (по некоторым данным — убит Грозным)»⁹³. Но таких данных нет. Есть только утверждение «компетентных составителей списка погребенных в Троице-Сергиевой Лавре» 1880 г.⁹⁴ Обоснованные сомнения в правильности такого утверждения сравнительно недавно высказал архим. Макарий (Веретенников)⁹⁵. Похоже, что «компетентные составители» 1880 г., используя труд иеромон. Арсения о келарях Троице-Сергиева монастыря, где на одной странице заканчивается описание биографии Андриана Ангелова и начинается изложение биографии келаря Дорофея Курцова, действительно убитого во время опричнины⁹⁶, при беглом просмотре книги бросили взгляд не на те строки и приписали Ангелову то, что случилось с Курцовым. Сохранилась запись на одном евангелии костромского Ипатьевского монастыря, согласно которой **«Лѣта 7072-го. Да Андриѣанъ же даль часы бол(ь)шіе с перечаіем за пѣт(ь)десятъ рѣблев. И при его животѣ за него в(о)га молити. После его живота написати ел(о) в сенаники да и кормѣ по не.и кормити, доколева велит в(о)гъ и с(ва)т(о)и швители сеи стоати»**⁹⁷. Речь идет именно об Андриане Ангелове, который и раньше давал вклады в Ипатьевский монастырь. Таким образом, выясняется, что еще в 1563/64 г. Андриан Ангелов был жив. Но Б. М. Клосс никаких архивных разысканий по установлению интересующих его фактов не делает и утверждает то, чего на самом деле не было.

Нет во втором разделе «Избранных трудов», озаглавленном «Троицкая литературная школа», и никаких обобщающих замечаний об этой школе, продолжительности ее существования, тематике произведений, их литературных особенностях. Похоже, что заголовок раздела — просто еще одно проявление весьма характерного для всей работы лозунгового пышнословия, подменяющего собой серьезное исследование.

⁸⁸Там же. С. 75.

⁸⁹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 130.

⁹⁰Яблонский В. М. Пахомий Серб. С. 19–20.

⁹¹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 136.

⁹²Насонов А. Н. Новые источники по истории Казанского «взятия» // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 3–26.

⁹³Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 138.

⁹⁴Там же. С. 97.

⁹⁵Архим. Макарий (Веретенников). Келарь Троице-Сергиевой обители — старец Адриан Ангелов // Альфа и омега. № 2 (5). 1995. С. 126.

⁹⁶Иеромон. Арсений. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЛЗАК. Вып. IV. СПб., 1868. Отд. II. С. 80.

⁹⁷Музеи Московского Кремля. Ф. 2. Охр. 18585. О. П. 19081. Л. 362 об.

